

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. Ф. Котляр

КНЯЖЕСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Советники

В этой роли при дворе Даниила Романовича галицкого выступало несколько ближних бояр. Остановлюсь на наиболее яркой фигуре среди них, боярине Мирославе. Он появляется на исторической сцене летом 1206 г. Тогда, после гибели великого князя Романа Мстиславича, его семейство оказалось в крайне трудном положении. Против княгини Анны и ее маленьких сыновей, старшему из которых Даниилу едва исполнилось пять лет, поднялись с оружием в руках галицкие великие бояре. Анна бежит во Владимир, надеясь, что там, в вотчине мужа, окажется в безопасности. Но чернигово-северские Игоревичи (сыновья героя «Слова о полку Игореве»), призванные боярами в Галицкую землю, не удовлетворились добычей и потребовали от жителей Владимира выдать им маленьких Романовичей. В критической ситуации княгиня принимает решение покинуть Вольтинь: «Наутрии же увѣдавши княгини (об угрозе от Игоревичей. — *Н. К.*), свѣтъ сътвори с Мирославомъ (и. — *Н. К.*) съ дядькомъ (воспитателем княжичей) и на ночь бѣжаша в Ляхы (в Польшу. — *Н. К.*)»². Так Анна приняла свое первое политическое решение, посоветовавшись с Мирославом.

Через пять лет после этого вдова Романа Мстиславича, сидевшая с маленьким Васильком в вольтинском торговом городе Берестье, доверит Мирославу дело первоочередного значения: «Княгини же Романова посла Мирослава ко Лестковии глаголюща, яко: “Сїѣ (Александр, князь белзский. — *Н. К.*) всю землю нашу и отчину дѣржитъ (Вольтинь. — *Н. К.*), а сынъ мой въ одиномъ Берестьи княжитъ». Польский князь Лешек Белый считался тогда опекуном семьи Романа, но на деле стремился отнять у них Вольтинь. И все же дипломатическая миссия Мирослава увенчалась успехом. Александр был вынужден отдать удельный стол Белза Васильку. На следующих страницах летописи описано княжение Василька в Белзе, и среди четырех великих бояр, состоявших при нем, назван Мирослав³.

Будучи ближайшим, думаю, к семейству Романа боярином, Мирослав исполнял важную роль советника и фактического правителя при малолетних детях Анны. Около 1212 г. «княгини же Романова съ сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толстымъ (великим вольтинским боярином. — *Н. К.*) бѣжавша въ Угры, а Василько с Мирославомъ ехаша въ Белзъ»⁴, где предстояло княжить младшему сыну Романа. Через год или два видим Мирослава среди великих и

¹ Окончание, начало статьи см.: № 2 (40). С. 28–40.

² Галицко-Вольтинская летопись. С. 79.

³ Там же. С. 80–83.

⁴ Там же. С. 83.

«крепльйших» бояр волынских, поддерживавших Даниила в борьбе против галицкого боярина Владислава, самочинно вокняжившегося в Галиче. Против него были посланы с войском от Даниила Мирослав и Демьян⁵.

В 1219 г. Даниил начинает решительную борьбу за отвоение у Польши Волынской земли, и с ним везде рядом Мирослав, так же как и раньше, когда старший сын Романа жил в Венгрии, этот боярин был всегда рядом с Васильком. Вместе с Даниилом Мирослав выдерживает осаду венгров в Галиче, затем помогает князю добыть Черторыйск. Когда Даниил собирает вече в Галиче в 1231 г., дабы заручиться поддержкой горожан против боярства, вместе с князем было лишь 18 дружинников. Тогда «Мирославу пришедшу ему на помощь с малому отроку»⁶. При чтении Галицко-Волынской летописи создается впечатление, что Мирослав выполнял при Данииле и Васильке роль Добрыни Никитича, брата матери Владимира Святославича Малуши. Он был защитником княжичам, старшим другом, советником, правителем, воеводой. Княгиня доверяла ему самое дорогое — своих сыновей.

В качестве советника государя Мирослав принимал участие в различных торжествах, сопровождавших межкняжеские отношения на Руси: «Еха Василко к Суждалю на веселе (свадьбу. — Н. К.) шюрина своего, к великому князю Гюрьгю, поем Мирослава съ собою и ины (бояре. — Н. К.)»⁷ — эта формула летописи может свидетельствовать об особом, даже исключительном положении Мирослава при дворе Романовичей.

Во второй половине 30-х годов XIII в. Даниил Романович распространил свое влияние на Киев, установив добрые отношения с тамошним князем Владимиром Рюриковичем из смоленской династии Ростиславичей. Галицкий государь помогал киевскому сдерживать черниговского князя Михаила Всеволодича, зарившегося и на Киев, и на Галич, постоянно привлекавшего на подмогу многочисленные орды половцев. Ближайшим помощником Даниила в этой кампании был Мирослав. В 1235 г. Даниил Романович «оставил у него (у Владимира. — Н. К.) Гльба Зеремъевича (своего боярина. — Н. К.) и Мирослава, и ины бояры многы»⁸. Даниил приставил Мирослава к Владимиру Рюриковичу по его просьбе как главного советника и представителя своего князя. Летописец так пишет об этом: «Вълодимеру же просящу (Даниила. — Н. К.), Мирославу же помагающю ему: “Изыдемъ на поганья половци”»⁹.

Кампания против половцев завершилась неудачно для киевского князя. В том же 1235 г. Мирослав вместе с Владимиром Рюриковичем попал в плен к союзникам Михаила Всеволодича половцам¹⁰. Больше в летописи Мирослав не упоминается. Вероятно, в половецком плену и погиб ближайший советник и соратник Романовичей.

Кажется, можно, пусть гипотетически, определить, из какого боярского рода вышла Романова княгиня. Согласно мнению В. Т. Пашуто, Анна происходила из волынских бояр¹¹. Принимаю это мнение как наиболее вероятное.

Среди великих волынских бояр чаще других летописец называет Мирослава. Создается впечатление, что он был связан с княгиней и ее детьми не только деловыми отношениями. Мирослав ближе всех прочих бояр стоял к семейству Романа Мстиславича, ему поручались важнейшие и деликатнейшие дипломатические и вообще государственные дела. Можно допустить, что он приходился братом княгине Анне и дядей ее сыновьям. На страницах Галицко-Волынской летописи Мирослав сразу появляется как хорошо известный летописцам и, вероятно, современникам

⁵ Там же. С. 84.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 104.

¹¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 194.

человек, поскольку источник не указывает ни его социального положения, ни должности при дворе князя Романа и затем Романовичей, наверное, рассказывать об этом людям того времени не имело смысла.

Воеводы

Князь далеко не всегда пребывал во главе своего войска или дружины. Часто, особенно в XIII в., войском руководили его воеводы. К тому же некоторые князья (например, Ярослав Владимирович галицкий во второй половине XII в. или Владимир Всеволодич волынский в последней трети XIII в.) предпочитали оставаться дома, посылая с войском верных и опытных воевод. С наступлением XIII в. масштабы военных операций русского войска значительно возросли. Стало более многочисленным само войско, возросло количество полков в нем, союзники же (черные клобуки) превратились в отдельные воинские части: стрельцов и легкую кавалерию. Все это делало во многих случаях просто невозможным оперативное руководство походом, и особенно сражением, со стороны одного лишь князя. Воеводы с течением времени все чаще выступают на страницах источников, прежде всего, в описании боевых операций.

Летописи середины — второй половины XII в. не так уж часто называют других, кроме князей, военачальников. В те времена государь все же оставался главным и, в большинстве случаев, единственным руководителем своего войска. Да и сам термин «воевода» редко встречается в летописях, преимущественно в древнейших их частях. Начну с первых упоминаний о воеводах. Под 945 (944) г. Нестор рассказывает о событиях, наступивших после убийства князя Игоря древланами: «Вольга (Ольга. — Н. К.) же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ»¹². А в «Почении» Мономаха читаем: «На войну вышель, не лѣнитесь, не зрите на воеводы, и сторожѣ сами наряживайте»¹³.

Само это слово «воевода» не часто попадает и в Галицко-Волынской летописи, в основном оно встречается на последних ее страницах, притом что вообще княжеские военачальники встречаются в источнике весьма часто. То же наблюдаем и в других летописях. Приведу, например, фрагмент Лаврентьевской летописи под 1220 г.: «Георгий великий князь, сынъ Всеволожъ, посла брата своего Святослава с полкы и воеводами на безбожныя болгары»¹⁴.

Воеводы как будто формально не принадлежали к княжескому двору¹⁵, стало быть, и не следует о них здесь упоминать, может сказать скептически настроенный читатель. Но ведь воеводами бывали и высшие должностные лица двора: дворские, тысяцкие, даже сам княжеский печатник. Все они ходили в походы, возглавляли большие и малые отряды княжеского войска, мужественно дрались в первых его рядах. Поэтому стоит все же причислять воевод, даже не имевших придворных чинов, к княжескому двору. Сначала нужно сказать хотя бы несколько слов о воеводах предыдущего XII в.

В 1146 г. у валов Киева произошла решающая битва между сидевшим в Киеве Игорем Святославичем и его двоюродным племянником волынским князем Изяславом Мстиславичем, претендовавшим на киевский стол. Чтобы отбить атаку авангарда Изяслава — конницы черных клобуков («переѣхавше берендичи чересь Лыбѣдь и взяша Игоревы товары (обоз. — Н. К.) передъ Золотыми вороты и подъ огороды»), Игорь повелел поехать к своим полкам «Улѣбови тысячкому своему и Иванови Воитишичю»¹⁶. Оба принадлежали к числу ближних бояр Игоря. Но этот пример нельзя считать характерным для руководства военными операциями в середине XII в. Ведь Игорь Ольгович из-за болезни ног не мог ходить и едва ездил верхом. Он поручил общее руководство войском своему брату Святославу и воспользовался помощью доверенных воевод.

¹² Повесть временных лет. С. 27.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 444.

¹⁵ Поскольку источники никогда не называют их среди чинов двора.

¹⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 232.

Как известно из летописи, галицкий князь Ярослав Владимирович обычно не ходил в походы во главе рати, а поручал воеводам. Так было и в 1159 г., во время междоусобной войны между чернигово-северскими князьями Изяславом Давидовичем и Святославом Ольговичем. На помощь Святославу подоспел князь Владимир Андреевич со своим полком и «Тудоръ Елчичъ съ галичскою помощью прииде»¹⁷. Впрочем, в последнее время появляются статьи львовских историков, в которых пишется, будто Ярослав Владимирович страдал болезнью ног.

Намного богаче выглядят известия о командовавших княжескими полками воеводах в древнерусских источниках XIII в., прежде всего в Галицко-Волынской летописи. Княжеские военачальники выступают на ее страницах часто и, можно сказать, постоянно. Создается впечатление, что воеводы не только командовали войском или отдельными его контингентами, но и по велению князя проводили самостоятельные боевые операции.

Почти все упоминания о воеводах в Галицко-Волынской летописи относятся к служившим Даниилу и Васильку Романовичам. Но в источнике попадаются и немногочисленные известия о воеводах Мстислава Мстиславича, сидевшего в Галиче в 1219—1228 г. Вскоре после вокняжения в Галицкой земле Мстислав воевал с поляками и «посла Дмитра, Мирослава и Михалка Глѣбовича противу имъ к Городку»¹⁸. Однако нет уверенности в том, что эти военачальники были посланы непременно от Мстислава. Ведь Мирослав был доверенным боярином и воеводой Романовичей, среди воевод Даниила летопись неоднократно называет и Дмитрия. К тому же князь Мстислав из всех княжеских занятий больше всего любил войну, и вряд ли он часто поручал дружину и свое немногочисленное войско кому-нибудь из своих военачальников. А вот Романовичи, и прежде всего старший — Даниил, часто и систематически использовали своих воевод в почти постоянных военных действиях, которые им приходилось вести в течение нескольких десятилетий.

Одним из видных бояр и военачальников Мстислава Мстиславича был Глеб Зеремеевич, неоднократно упоминаемый в Галицко-Волынском своде. В военном эпизоде 1219 г. Глеб вместе с Мирославом и Дмитрием тысяцким находится рядом с Даниилом в осажденном венграми Галиче. Тогдашний галицкий князь Мстислав Удатный велел своему зятю Даниилу выйти из города (который он же и поручил ему оборонять), и летописец свидетельствует: «Даниль же изыде (из Галича. — Н. К.) и з Дмитромъ тысяцкымъ и съ Глѣбомъ Зьеремѣвичемъ, и с Мирославомъ»¹⁹. Но в дальнейшем галицкий боярин Глеб оставил службу Даниилу и вместе с Судиславом возглавил враждебную Романовичам партию боярских олигархов, стремившихся во что бы то ни стало воспрепятствовать возвращению Романовича на галицкий престол. Бояре полностью подмяли простоватого Мстислава Мстиславича, и под их влиянием стареющий князь постоянно враждует с зятем. В конце жизни (1227 г.) Мстислав по уверению галицкого летописца будто бы хотел отдать Галич зятю, но «Глѣбови же Зьеремѣвичемъ и Судиславу претяща не дати ему Данилови, рѣста бо ему: “Аже и даси королевичю (венгерскому. — Н. К.), когда въсхощеши, и можеши ли взяти подъ нимъ; даси ли Данилови, в вѣкы не твой будетъ Галичь!”»²⁰. В этих словах кратко изложена программа бояр-противников вокняжения Даниила Романовича в Галиче. В следующем 1228 г. «Мъстиславъ великый Удатный князь умре: жадающе бо ему видети сына своего Даниила, Глѣбъ же Зьеремѣвичъ, убѣжень бысть завистию, не пустьяше его»²¹.

После кончины Мстислава Удатного «отъступи Глѣбъ Зьеремѣвичъ отъ короля къ Данилови»²² — опытный и политически чуткий глава боярской оппозиции Романовичам понял, что положение осажденного в детинце Галича венгерского принца Андрея стало безнадежным, и

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 72.

¹⁸ Галицко-Волынская летопись. С. 85.

¹⁹ Там же. С. 86.

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Там же. С. 94.

²² Там же. С. 102.

легко перекинулся на сторону Романовичей, а вслед за ним так поступило все галицкое боярство. А в 1235 г. воевода Глеб принял участие в войне между киевским и черниговским князьями, о которой речь шла выше. Даниил приставил Глеба к Владимиру Рюриковичу. Рассказ летописца о поражении Даниила и пленении Мирослава половецкими ханами дает возможность думать, что среди изменивших Даниилу бояр был и Глеб. Дальнейшие следы Глеба Зеремеевича, этого олицетворения беспринципного, жадного и амбициозного галицкого боярства, не встречаются в летописи.

Теперь обратимся к свидетельствам Галицко-Волынского свода о воеводах Даниила и Василька Романовичей. Во время войны с Польшей в 1219 г. «ѡхавше ляхове воевать, и воеваша по Бугу. Посла по них Даниль Гаврила Душиловича, и Семена Олуевича, Василка Гавриловича; и биша ся до Сухое Дорогве²³, и колодники изимаша, и воротишася с великою честью в Володимерь»²⁴. Из этого текста узнаем, что юный Даниил поручил большое (как следует из результата кампании) войско своим воеводам и они успешно выполнили приказ своего государя.

И в дальнейшем немало воевод Даниила и Василька Романовичей принимают участие в боевых действиях, не раз руководят полками и выполняют самостоятельные боевые задания. Среди многочисленных воевод, верно служивших Романовичам, летописцы выделяют нескольких, чей вклад в сражения с врагом был особенно весомым. Первым среди них был, на мой взгляд, упомянутый выше Мирослав, выполнявший, наряду с военными, дипломатические и административные обязанности в Волынском княжестве Даниила и Василька. В качестве военачальника Романовичей Мирослав впервые появляется на страницах Галицко-Волынского свода в рассказе о межусобной борьбе в Галицкой земле 1211 г.

Тогда против Игоревичей, узурпировавших власть в Галичине и на Волыни, выступило войско, состоявшее из отрядов нескольких западнорусских князей. «Василку же княжацю в Белзѣ, приидоша же отъ него Великий Вячеславъ Толъстый и Мирославъ, Демьянъ и Воротиславъ, и инии бояре мнози, вои отъ Белза»²⁵. В летописном рассказе названы также другие видные военачальники Романовичей: Демьян и Вячеслав, о которых в дальнейшем неоднократно упоминает наша летопись.

Среди других воевод Даниила, перечисленных в летописи, можно выделить тысяцкого Дмитрия, Вячеслава и «печатника» Кирилла. Наиболее яркой личностью среди них представляется Дмитрий, впервые названный летописцем в рассказе о войне Мстислава Удатного и Даниила с поляками в 1219 г.²⁶ Источники затем не упоминают о Дмитрии вплоть до 1238 г. Тогда в связи с приближением орд Батыя к Киеву Даниил Романович «остави в немь Дмитра, и вдасть Кыевь в руци Дмитрови обдержати противу и отъ иноплеменныхъ языкъ, безбожьныхъ татаровь». Дмитрий возглавил оборону стольного града Руси во время осады его Батыем в ноябре-декабре 1240 г. Летописец назвал его тысяцким, из-за чего некоторые историки считали его киевским воеводой. Но вероятнее предположить, что Даниил Романович доверил оборону города своему, испытанному в сражениях военачальнику.

Дмитрий мужественно бился с врагом, находясь в гуще событий: «И възыдоша горожане на избыть стѣны, и ту бяше видѣти ломъ копѣйный и щитомъ скепанье, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженнымъ; и Дмитрови ранену бышу...». После того как монголы штурмом овладели Киевом, «Дмитра же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его»²⁷ — благодаря беспримерному мужеству военачальника, Батый подарил ему жизнь, что в практике жестокого и бешеного хана было исключительным поступком. В дальнейшем рассказе галицкий книжник изображает Дмитрия

²³ Урочище в северо-западной Волыни.

²⁴ Галицко-Волынская летопись. С. 85.

²⁵ Там же. С. 81–82.

²⁶ Там же. С. 85.

²⁷ Там же. С. 109.

кем-то вроде советника Батгия: мол, он посоветовал хану не задерживаться в истерзанной монголами Галицкой земле, а двинуться дальше, в Венгрию. Летописец объясняет этот совет Дмитрия тем, что он стремился избавить Русь от гибели людей и грабежей со стороны захватчиков: «Прото же рече ему, видѣ бо землю гибнущю Рускую отъ нечестиваго»²⁸. Дальнейшая судьба Дмитрия в источниках не прослеживается.

Как было сказано, «великий Вячеславъ Толстый» впервые был назван в летописи в рассказе о событиях 1211 г., когда Романовичи (вернее, стоявшая за ними мать) решились выбить Игоревичей из Галицкой и Волынской земель. Этот воевода пришел от княжившего тогда в Белзе Василька вместе с другими видными военачальниками: Мирославом и Демьяном. Вскоре после этого летописец называет Вячеслава владимирского среди бояр, посадивших осенью 1211 г. Даниила на галицкий стол²⁹. На мой взгляд, в этом тексте речь идет о великом боярине Вячеславе Толстом. В пользу такого предположения может свидетельствовать сообщение Галицко-Волынской летописи об изгнании княгини Анны из Галича в начале 1212 г.: «Княгини же Романова, съ сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толстымъ бѣжавша въ Угры, а Василко с Мирославомъ ѣхаша въ Белзь»³⁰. Из контекста сообщения вытекает, что Вячеслав Толстый был одним из ближайших бояр и военачальников Романовичей: княгиня приставила его к Даниилу так же, как Мирослава — к Васильку.

В 1228 г. Вячеслав пребывал среди воевод Даниила Романовича, которым князь поручил выбить из Луцка Ярослава Ингваревича, самовольно там вокняжившегося. Вскоре после этого Вячеслав вместе с Даниилом отражал набег ятвягов на Берестье: «И угониста и из Володимеря... и убеньъ бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шюртъ... Бѣжащимъ же ятвяземъ, угони я Даниль...»³¹. После этого известия летопись больше не упоминает о Вячеславе.

Временами в Галицко-Волынском своде называются воеводы одного лишь Василька. Но и в этих случаях они обычно действуют вместе с воеводами Даниила. Так, в походе на Литву 1255 г. упомянуты и те и другие: «Служащии же князи Данилови и людие Василкови, Гюргий, Олекса дворьскый, и инии ехаша на ня», т. е. на литовцев³².

После завершения жизненного пути Даниила и Василька Романовичей Галицко-Волынская Русь вновь погрузилась в омут удельной раздробленности. Их сыновья будто забыли о необходимости совместных действий против врага и обычно ходили в походы розно. Известия об их совместных предприятиях немногочисленны. В 1273/1274 г. «здумаше князи пойти на ятвязѣ... сами князѣ не идоша, но послаша воеводы своя ратью: Левъ (Данилович. — Н. К.) посла съ своею ратью Андрѣа Путивльца, а Володимеръ (Василькович. — Н. К.) посла съ своею ратью Желислава, а Мьстиславъ (Данилович. — Н. К.) посла съ своею ратью Вьлодъслава Ломоносова. ...И тако прийдоша с побѣдою и честию великою къ своимъ княземъ»³³.

Десять лет спустя Владимир Василькович и сын Льва Юрий начнут войну с Малопольшей, помогая своему союзнику Конраду Мазовецкому. И вновь их полки возглавят воеводы: «Из Мѣльника же отряди (Володимер. — Н. К.) с ними воеводу, Василка князя слонимского Вьлодимерови, и Желислава, и Дуная, а съ Юрьвевою ратью бяше воевода Туйма»³⁴. Наконец, в 1285 г. князья вновь сами не идут в поход, а посылают с полками воевод. Тогда Владимир Василькович владимирский был уже тяжело болен и явно не мог ездить верхом, Лев же Данилович, вероятно, рассудил, что если уж его двоюродный брат не пошел в поход, то и ему зазорно идти:

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 82.

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Там же. С. 94.

³² Там же. С. 133.

³³ Там же. С. 146.

³⁴ Там же. С. 152.

«Левъ же и Володимеръ сами не идоста, но посласта воеводы: Левъ посла съ своею ратью Туима и Василка Бельжанина и Рябця, а Володимеръ посла съ своею ратью Василка князя и Жилислава и Оловяньца и Вишту»³⁵. Как видим, Желислав служил Владимиру много лет. Наверное, и слонимский князь Василько принадлежал к кругу постоянных воевод волынского государя Владимира Васильковича. То же самое, думаю, можно сказать и о Тьюйме, служившем Льву Даниловичу и его сыну Юрию. Уместно рассказать и о собственно служилых князьях.

Служилые князья

Эпоха удельной раздробленности породила явление, ранее неизвестное на Руси: институт служилых князей. Это были малоземельные и безземельные члены рода Рюриковичей, многие из которых потеряли свои волости. Это явление было особенно характерным для Галицко-Волынской Руси второй половины XIII в. Но наиболее яркий представитель этой своеобразной княжеской прослойки принадлежал еще к веку XII. Речь пойдет об Иване Ростиславиче, прозванном Берладником. Он был галичанином, всю жизнь стремился отнять Галич у своего дяди и затем двоюродного брата, из-за этого и погиб.

Иван был племянником галицкого князя Володимирка (Владимира) Володаревича и сидел в единственном уделе, сохранившемся в Галицком княжестве, — Звенигороде. Властный и амбициозный, Иван не пожелал удовлетвориться положением мелкого князька в державе своего дядюшки. Конфликт между могущественным сюзереном и слабым, но непокорным вассалом был неминуем, особенно при учете властного характера Володимирка.

Летопись кратко сообщает под 1145 г.: «На ту же зиму въшедшу Володимиру в Тисмяницю на ловы, в то же время послашася галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ, и въведоша к собѣ в Галичь»³⁶. Историки никогда не узнают, на что рассчитывал Иван Ростиславич, поднимая меч против своего сильного дяди. Вероятно, на свое военное счастье, которое, следует отдать ему должное, сопровождало этого князя в течение его политической и военной карьеры. Ибо дружина Ивана Ростиславича была намного слабее дружины Володимирка, а другие князья враждебно отнеслись к его попытке овладеть княжеским столом насильственным способом. Своим отчаянным и молодецким поступком Иван поставил себя вне законов феодального общества.

Володимирко узнал об измене галичан и пошел с дружиной на город. Галичане оказали ему сильное сопротивление. Военные действия между княжескими дружинниками и горожанами были ожесточенными, в боях участвовало много воинов. Летописец эмоционально свидетельствует: «И прииде (Володимирко. — Н. К.) на нь (галичан. — Н. К.)... и выгъздяче из города бяхуся крѣпко и мнози падаху отъ обоихъ»³⁷. Ивану Ростиславичу удалось вырваться из осажденного города и бежать на Дунай, в область Берладь³⁸. С той поры он превращается в служилого, наемного князя, русского кондотьера, и к нему в источниках прочно пристает прозвище «Берладник»³⁹.

На страницах летописей, отразивших жизненный путь Ивана Ростиславича, он выступает как служилый князь уже под 1146 г., когда к Святославу Ольговичу, княжившему в Новгороде Северском, «прибѣже Иванъ Берладникъ»⁴⁰. Он принял участие в войне Святослава против великого князя киевского Изяслава Мстиславича. С той поры началась его служилая карьера.

Святослав Ольгович выступил против Изяслава Мстиславича из-за того, что тот свергнул с киевского престола и пленил его брата Игоря. Поэтому Святослав стал естественным союзником Юрия Долгорукого, оспаривавшего киевский престол у Изяслава. В том же 1146 г. сидевший в

³⁵ Там же. С. 154.

³⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Подробно об Иване Ростиславиче см.: Толочко П. П. Иван Берладник // Толочко П. П. Историчні портрети. Київ, 1990.

⁴⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 234.

Новгороде Северском Святослав получил известие, будто Изяслав собирается напасть на него. Тогда он «повѣдѣ Иванкови Гюргевичу⁴¹, Иванови Ростиславичю Берладнику и дружине своей и половцемъ дикымъ уемъ своимъ», что на него идет киевский князь. Они посоветовали Святославу бежать из недостаточно защищенного Новгорода, что тот и сделал⁴². Как видим, служилый князь Иван Ростиславич входил тогда в ближний круг воевод и советников Святослава Ольговича, наравне с сыном Долгорукого и половецкими дядьями («уями») новгород-северского князя.

Но уже в начале следующего 1147 г., как свидетельствует Киевская летопись, «иде Святославъ къ Осетру, и ту отступи его Иванко Берладникъ къ Ростиславу смоленскому князю, вземъ у Святослава (за службу. — Н. К.) 200 гривен серебра, же 12 гривни золота»⁴³. Это выглядит логичным: князь-наемник взял у сюзерена плату за службу и перешел к тому, кто заплатил ему больше. К тому же Ростислав был братом недавно севшего на киевский престол Изяслава Мстиславича. Вероятно, политические соображения также сыграли свою роль в решении Ивана сменить господина. Так поступали все кондотьеры, что у нас, что в Италии, где этот род занятий был распространен среди аристократов.

Далее летописцы на десять лет теряют Ивана Ростиславича из виду. Из драматического свидетельства Киевского извода под 1157 г.: «Привель Гюрги Ивана Ростиславича, рекомаго Берладника, ись Суздаля, окованого, хотя и дати Ярославу зяти своему»⁴⁴, следует, что перед тем бывший звенигородский князь служил Долгорукому (приблизительно с 1149 г.). Когда его выдачи стал требовать Ярослав Владимирович галицкий, Юрий решил пожертвовать князем-наемником, дабы обеспечить себе поддержку зятя в грядущей войне с черниговскими Давидовичами. Но за Ивана вступились митрополит и игумены киевских монастырей, зная, что тому грозила смерть от галицкого князя. Под их давлением Долгорукий решил вернуть Ивана Ростиславича в Суздаль, но на пути туда его отбили люди черниговского князя Изяслава Давидовича⁴⁵. На этом Ярослав галицкий не успокоился и весной 1158 г. прислал Изяславу Давидовичу грамоту, в которой требовал выдачи Берладника. При этом он заручился поддержкой влиятельных князей Южной Руси Святослава Ольговича и Ростислава Мстиславича смоленского. Изяслав проявил твердость характера и решительно отказал Ярославу.

Однако Иван уже давно на собственном горьком опыте убедился в том, что ласка сильных мира сего изменчива, быстро преходяща и ненадежна. Посему он «тогда уполошивъся, ѣха в поле къ половцемъ, и шедъ с половци, и ста в городѣхъ Подунайскихъ, и изби двѣ кубарѣ, и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовомъ галичскимъ». Здесь, в низовьях Дуная, он начал собирать войско из вольных людей, издавна сходящихся в эту землю, свободную от какой бы то ни было княжеской власти. Его целью был поход на Галич. «И придоша к нему половци мнози, и берладника у него скупися 6000, и поиде къ Кучелмину...»⁴⁶. На время Берладь, область в низовьях Дуная и Днестра, оказалась в руках Ивана Ростиславича.

Овладев Кучелмином, галицкой крепостью на Днестре, Иван подошел к главному городу на Днестровском рубеже Галицкого княжества Ущице. К нему начали перебегать оттуда люди, видевшие в нем своего освободителя и господина. Но когда половцы пожелали взять и разграбить Ущицу, Берладник им этого не позволил. Обиженные половецкие ханы покинули Ивана, а с немногочисленной дружиной и местными вольными людьми ему было не осуществить поход против Ярослава Владимировича. Тогда Изяслав Давидович «посла по Ивана и приведе Киеву»⁴⁷.

⁴¹ Иван Юрьевич, сын Юрия Долгорукого.

⁴² Летопись по Ипатскому списку. С. 237.

⁴³ Там же. С. 239.

⁴⁴ Там же. С. 335.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 341. Берладниками летописец назвал приверженцев Ивана Ростиславича из местного вольного люда.

⁴⁷ Там же.

После этого Иван Берладник верой и правдой служил Изяславу Давидовичу вплоть до конца жизни этого черниговского и киевского князя (он погиб на Желяни в 1160 г.). В 1158 г. Изяслав воевал со своим двоюродным братом Святославом Ольговичем, которому в прошлом служил Иван. Тогда Святослав «пришедъ ко Выреви и пожьже острогъ около города; в городѣ бо затворился бяше съ княгинею Иванъ Ростиславичъ, а самъ Изяславъ шель бяше в поле»⁴⁸. Святославу не удалось добыть небольшой, но, вероятно, хорошо укрепленный Вырь. Как свидетельствуют источники, защита Выря была последним деянием князя-кондотьера Берладника. В 1159 г. какие-то берладники добыли киевский порт Олешье на Днепре, но Ивана летопись при этом не назвала.

Вероятно, после смерти своего последнего господина и покровителя Изяслава Давидовича Иван Ростиславич вновь подался в Дунайское понизье. Летопись последний раз вспомнила о нем в рассказе о событиях 1161 г.: «Преставися князь Иванъ Ростиславичъ, рекомый Берладник, в Селуни; инии тако молвахуть, яко съ отравы бѣ ему смерть»⁴⁹. Некоторые историки полагают, что убийцы были подсланы Ярославом Владимировичем галицким, всю жизнь враждовавшим с Иваном Ростиславичем и настойчиво домогавшимся его выдачи от Юрия Долгорукого и Изяслава Давидовича⁵⁰. Это предположение выглядит вероятным.

Все же наибольшего распространения институт служилых князей достиг в Галицко-Волынской Руси середины — второй половины XIII в., времен Даниила Романовича, его сыновей и племянника. «По определению летописца, все бояре и мелкие князья “служат” великому князю и “держат” полученные от него земли. Так, заняв Галич, князь Даниил “разда (то есть пожаловал) города боярам и воеводам и бяше корма у них много”; получившие земли в держание именовались “держателями” и обязаны были великому князю службой: “Служащие же князи (князю. — Н. К.) Данилови и людье Василкови (князя. — Н. К.)”»⁵¹. Далее В. Т. Пашуто перечисляет служилых князей Романовичей, о части из которых речь пойдет ниже.

Зимой 1254/1255 г. Даниил Романович двинулся против ятвягов, балтских племен, досаждавших северо-западным рубежам Волынской земли. Из Новогрудка (в Черной Руси) пришел к нему сын Роман «со всѣми новгородци и с... Глѣбомъ, и со Изяславомъ съ Вислоческымъ»⁵². Этот Изяслав был Ростиславичем, сыном пинского князя Ростислава Святополчича, князем свислоцким⁵³ (удельным в Новогрудском княжестве Романа Даниловича). О служившем Романовичам Глебе летописец, вероятно, упоминает еще раз, и более подробно, в рассказе об овладении Даниилом городом Волковыйском в Черной Руси: «По томъ же Данило король еха взя Волковыескъ, и Глѣба князя пославъ я и дрѣжаше его въ чести»⁵⁴. Этот Глеб, наверное, не имел своего удела и получил за службу город Волковыйск с волостью. Некоторые генеалоги признают Глеба Ростиславичем, братом Изяслава Ростиславича и сыном Ростислава Святополчича⁵⁵.

Служилыми были и авантюристы, рязанские князья Константин и его сын Евстафий. Они служили врагу Романовичей. В 1243 г. «Данииль же дворецкого посла на Перемышль на Костянтина резанского, посланого отъ Ростислава... и слышавъ Костянтинь Андрея грядуща на нь, избѣже нощию»⁵⁶. Константин Владимирович рязанский был служилым черниговского князя Ростислава Михайловича в Перемышле. После бегства из Перемышля он оказался в Венгрии и отослал сына Евстафия в Литву⁵⁷. По свидетельству Лаврентьевской летописи, Константин в

⁴⁸ Там же. С. 348.

⁴⁹ Там же. С. 355.

⁵⁰ См., например: Толочко П. П. Иван Берладник. С. 237, 238.

⁵¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 139.

⁵² Галицко-Волынская летопись. С. 129.

⁵³ Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ренн, 1991. Ч. 1. № 337. С. 127; № 461. С. 162.

⁵⁴ Галицко-Волынская летопись. С. 136.

⁵⁵ Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. № 337. С. 127; № 460. С. 162.

⁵⁶ Галицко-Волынская летопись. С. 112–113.

⁵⁷ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 139, 149.

1217 г. был рязанским князем, когда помог своему брату Глебу истребить других братьев. Убийцы разделили власть в Рязанской земле⁵⁸. Дальнейшая четверть века жизни Константина неизвестна летописцам. Не ясно, в частности, как он оказался в служилых князьях Ростислава Михайловича. Известно лишь, что он был третьим сыном рязанского князя Владимира Глебовича⁵⁹.

Сын Константина Владимировича Евстафий служил литовскому князю Миндовгу, за что его, вероятно, жестко осудил галицкий летописец: в 1262 г. «идоша Литва на Ляхы воевати отъ Миндовга, и Остафии Костянтинович с ними, окаанный и проклятый, бѣ бо забѣглъ из Рязаня»⁶⁰. Вскоре после того Евстафий стал жертвой борьбы Войшелка, сына Миндовга, который вокняжился в Литве после смерти отца, против земельных магнатов, кто-то из которых использовал этого служилого князя: «и оного Остафия уби оканьнаго, безаконнаго, проклятаго, о немъ же напреди списахомъ»⁶¹. Трудно ответить на вопрос, какие злые поступки Евстафия Константиновича вызвали гнев и осуждение галицкого книжника.

Последние известия Галицко-Волынской летописи о служилых князьях содержатся на ее последних страницах. Там они выступают уже под своим реальным наименованием — воевод. В заключительной части летописи неоднократно упоминается слонимский князь Василько, служивший племяннику Даниила, волынскому князю Владимиру Васильковичу. Василько был сыном Романа Даниловича, княжившего в Черной Руси, и, по сведениям Н. Баумгартена, сидел в Слониме, местечке в Черной Руси, с 1256 г.⁶² Этот обедневший внук Даниила Романовича был в большой чести у своего дядюшки Владимира.

Впервые этот Василько Романович (полный тезка брата Даниила) упоминается как действующее лицо в рассказе Галицко-Волынского свода о походе Владимира Васильковича в 1282 г. против краковского князя Болеслава, когда волынский князь помогал своему союзнику Конраду мазовецкому: «И поиде Вѣлодимеръ къ Мѣлнику⁶³ съ множествомъ вой, из Мѣлника же отряди с ними воеводу, Василка князя слонимского...». В походном порядке волынской рати «Василко поиде своимъ полкомъ, Кондрать же князь съ ляхы своимъ полкомъ...»⁶⁴. Возможно, среди воевод, которые возглавляли отряды волынско-мазовецкого войска, Василька не случайно назвали первым: из контекста источника выходит, что волынский князь доверил ему свой полк.

После успешного завершения этой кампании «Василко князь поиде къ Берестию съ множествомъ полона, и посла предъ собою вѣсть господину своему князю Володимеру». Дальнейшее повествование летописца доказывает, что князь Владимир в то время доверил Васильку свою дружину и был рад тому, что тот сохранил ее в целости. Между тем война с Болеславом продолжалась, и «Вѣлодимеръ же князь указалъ бѣше своимъ воеводамъ тако, Василкови и Жилиславу и Дунаеви, не роспушати рати воевать...»⁶⁵. И в этом контексте Василько назван первым среди воевод волынского князя.

В следующем году Лев Данилович и Владимир Василькович решили напустить литовское войско на Болеслава. Сами они в поход не пошли, поручив войско воеводам: «Володимеръ посла съ своею ратью Василка князя и Жилислава, и Оловяньца и Вишту»⁶⁶. Тогда Василько Романович оставался первым среди военачальников волынского князя. Но дальнейшая его судьба в летописи не отразилась.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 440, 441.

⁵⁹ Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. № 259. С. 101.

⁶⁰ Галицко-Волынская летопись. С. 139.

⁶¹ Там же. С. 142.

⁶² Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X au XIII siècle. Roma, 1928. Tabl. XI. № 22.

⁶³ Город на северо-западном рубеже Волыни с Мазовией.

⁶⁴ Галицко-Волынская летопись. С. 152.

⁶⁵ Там же. С. 153.

⁶⁶ Там же. С. 154.

Наконец, последним по времени среди служилых князей в Галицко-Волынской Руси был Юрий Поросский. В 1289 г. преемник Владимира Васильковича на престоле г. Владимира Волынского Мстислав Данилович поссорился со своим братом Львом и его сыном Юрием. Дело близилось к военному столкновению: «Мъстиславъ вборзѣ посла гонцѣ по Юрии князи порусскомъ... тогда бо Юрий Порусский служаше Мъстиславу, а пръвое (служил. — Н. К.) Володимеру»⁶⁷. Перед нами типичный князь-кондотьер, будто в наследство переданный Владимиром Васильковичем своему преемнику на владимирском столе.

Узнав о приближении рати Юрия Поросского, князь Лев был вынужден покориться. К тому же ему стало известно о том, что Мстислав Данилович послал еще к татарам за помощью. К сожалению, источники не дают возможности определить, кем был этот князь Юрий. Разве что эпитет «поросский» может свидетельствовать о том, что у него было небольшое владение в Поросье, вблизи южных рубежей Киевской земли.

Характерной особенностью института служилых князей в Галицко-Волынской Руси было то, что они, Рюриковичи, принадлежали к княжескому двору, будучи такими же воеводами государя, как и прочие военачальники.

⁶⁷ Там же. С. 174.